

Мундир мне и в самом деле вернули, после чего, переодевшись, я почувствовал себя гораздо увереннее. Привык я к военной форме, как ко второй коже, что и неудивительно. Офицерский мундир с золотыми погонами в Российской Империи прибавляет плюс пятьдесят к авторитету и двадцать к карме, а крой имеет исключительно мужской, женского варианта формы не предусмотрено. Не платица же мне носить, в самом деле... Я их и не носил, от слова вообще. Общество тут, конечно, сословное, о женской эмансипации говорить только-только начали, так что о ком-либо другом пошли бы нехорошие слухи. Но моя Танечка настолько выбивалась из всяких норм и правил, что на эту мелочь не обращали внимания. Но даже я не мог бы себе позволить появиться на светском приеме в гражданской одежде со штанами. Не поймут-с... А вот в мундире – другое дело!

Затем нам с Ребровым подали крепкий чай, он раскрыл свой дипломат, доставая бумаги, и мы принялись за работу, по которой я, откровенно говоря, успел соскучиться, воюя на Гибрайтаре. Тем более что заняться было чем, дел накопилось выше крыши. Было заметно, что Матвей Филиппович сильно устал и вид его мне не нравился. Как бы сказать... не похож он был на всесильного председателя военно-народного исполнительного комитета правительства России. Не то чтобы я сильно разбирался в диктаторах, но мне всегда казалось, что они как-то поувереннее выглядят. А у Реброва взгляд тоскующий, как у часового, который все никак не может дожидаться смены караула. И на меня глава комитета смотрит не как на помощницу, а как на волшебницу, которая сейчас разрулит все проблемы. Эх, не тянет он на такой должности. Ему бы полком командовать, как раз его уровень – как говорится, «слуга царю, отец солдатам»! Человек верный, друг отличный, вояка неплохой, сколько мы с ним всего прошли – и огонь, и воду, и медные трубы... но не тянет. А заменить некем: велика Россия, а выбрать не из кого.

И ладно Ребров... это уровень всероссийский. Но у меня в батальоне та же самая беда. Я бы, например, вместо Пашки своим замом поставил Сергея Коротяева. И случись что, своих магов бы ему спокойно передал. Пашка мой лучший друг, но как командир Серега лучше, и это видно. Коротяев инициативней, жестче, хладнокровней в бою, быстро соображает и умеет себя правильно поставить перед подчиненными и перед командованием. А Пашка порою – «ни рыба, ни мясо». Но как продвинуть Серегу, не обидев Пашку, тем более сейчас, когда он после моего ранения поневоле стал замом, да еще почти что «женихом»? А обижать свою старую гвардию нельзя – опираться мне больше не на кого. Тот же Паша, а точнее его мама и ее связи, сильно упрочившиеся в последние два года, в моих дальнейших планах играют немалую роль. Сам же делал ставку на Авдотью Павловну, что уж теперь...

«Хватит!» – мысленно оборвал я сам себя. «Дожил ты, Леха, сам стал рассуждать как прожженный интриган. Ты сам-то на должность комбата магов и тайного советника правительства тянешь? Ни хрена, у тебя собственных косяков полно! Никто стране новой готовой элиты не даст, скажем честно. Той, которая любила бы русский народ, была бы готова воспринимать новое, но одновременно обходилась бы без нынешних дурных идей в голове, вроде либерализма или социализма. Таких людей взять негде. Поэтому будем работать с теми, кто есть. Но вообще-то это долгосрочная идеологическая проблема номер один – у тебя нет притягательного образа будущего для России, в который поверили бы люди и пошли за тобой. У красных он есть, и только я один в полной мере сознаю, к каким страшным бедам приведет его реализация. У либералов он тоже имеется – здесь многие истово верят в научный прогресс, свободную экономику и, как водится, в «святую за границу». И пока у твоих противников есть красивая идея, а у тебя такой идеи нет, тебя все равно будут бить, даже если ты и выиграешь ряд сражений».

- Тань, ты меня не слушаешь? – заметив мой рассеянный взгляд, прервался Ребров, показывающий мне на карте расположение наших дивизий в Питерском округе. – Что такое? Рана беспокоит? Может быть, мы рано начали говорить о делах, пока ничего особенного не происходит. Давай ты еще с недельку отдохнешь и наберешься сил, как Боткин советует.

- Простите Матвей Филиппович, - мотнул я головой. – Просто задумалась. Давайте пока кратко, что у нас по международной обстановке. Говорите, Америка готова объявить нам войну?

- Да. Президент запросил на это согласие конгресса, принят закон об ограниченной воинской повинности. По сообщениям наших агентов, Штаты готовы мобилизовать до миллиона человек в возрасте от двадцати одного до тридцати двух лет. Уже формируются около трех десятков дивизий.

- У нас около полутора миллионов солдат и еще около двух миллионов в Империи, - напряг я память. - Но в Империи после победы над французами и Северной Федерацией половину армии распустили, а мы только начинаем скрытую мобилизацию, - пожал я плечиками. - Правда, с экономикой и внутривластной обстановкой у нас все обстоит не лучшим образом... но с военной точки зрения я не вижу пока большой проблемы. Итого у бриттов и американцев сейчас под ружьем около двух миллионов человек... но высаживаться они могут лишь на Черном море или на Балтике, и снабжение большой группировки просто не потянут. На Балтике мы их скинем в море, кроме того, десанту и судам снабжения придется плыть мимо имперской территории и берегов Северной Федерации... Матвей Филиппович, балтийский флот должен быть готов начать широкомасштабную минную войну, начните необходимые приготовления. В крайнем случае, закроем Балтику заграждениями наглухо.

- Военный министр того же мнения, - кивнул мне Ребров. - Ташенков уже совещался по этому поводу с командующим балтийским флотом.

- Ясно. Но этот вопрос надо взять на особый контроль. Насчет Крыма и Кавказа, я пока не беспокоюсь. Гибрайтар в наших руках, стало быть, десант в Черном море выглядит на сегодня маловероятным. Не вокруг Африки же им в Крым идти? – усмехнулся я. – Остается дальний восток, но... я сомневаюсь. Никаких решительных военных целей десант бриттов с американцами там не достигнет, а снабжение крупных сил на таком расстоянии весьма непростая задача.

- У нас не лучшие отношения с Империей Акиццима, - вздохнул председатель комитета. – Если они войдут в союз со Штатами против нас, то ситуация на дальнем востоке станет крайне тяжелой.

- Все может быть, - согласился я. – Но в любом случае я не ожидаю решительных военных действий против Российско-Имперского союза в ближайшие пару месяцев. Им нужно время. На подготовку к войне, на координацию своих планов с другими странами. И на попытки еще раз расколоть наш союз, скажем откровенно. Гибрайтарская операция стала для них слишком большим шоком, не готовы бритты с заокеанскими союзниками пока воевать, даже если и хотят. Вот что, Матвей Филиппович, - подойдя к кровати, я достал из тумбочки орб убитого полковника Сью и протянул его Реброву. - Это мой подарок вам лично. О том, что провокацию против нас с Дегуршафф устроили бритты при содействии американцев, вы уже знаете. Но тут – полная версия событий, на всякий случай я уже скопировала ее себе в орб. Если вкратце: толстый Джон лично предлагал нам с сестрой предать свои страны. Якобы в обмен на мир во всем мире. Но я отказалась это сделать и вступила в бой с вражеским магом. Магическая

защита записи мною сломана, изучайте ее на здоровье. Но лучше пока не давать этой информации огласку. Такие вещи работают один раз и надо выбрать подходящий момент для обнародования.

- Ты как всегда удивляешь, Таня, - покачал головой Ребров, принимая камень в оправе. - Даже не знаю как тебя теперь и наградить. За Гибрайтарскую операцию тебе положен как минимум Георгиевский крест и генеральское звание. И то, я думаю, маловато будет.

- Не стоит, - отмахнулся я. - Хватит мне наград. Если честно, я дала маху и крупно. Во-первых, никакой мирной конференции, на которую я надеялась, не ожидается, плохой из меня оказался стратег. А во-вторых, я позволила себя ранить и подставила батальон, отправившись на переговоры в одиночку. Можно было бы найти и более разумное решение. Лучше отблагодарите моих магов. А заодно солдат и офицеров десанта и моряков с Меркурия, список отличившихся я подготовлю. И вот еще что, - добавил я - не повышайте в звании Валка. Как командир крейсера он пока на своем месте и отлично справляется. Здоровье ему Бог отмерял богатырское. Но, боюсь, для будущего адмирала наш геройский капитан слишком много пьет, - грустно вздохнул я. - А вот орден и золотую саблю с надписью «за храбрость и доблесть» непременно вручите, чтобы не обидеть. Зиновию Федоровичу будет приятно.

- Сделаю, - улыбнулся Ребров. - А ты не бери на себя слишком много ответственности, Таня. Идея о союзе с Империей и атаке Гибрайтара была твоя, но поддержали ее на комитете сообща. Значит, нам всем за это и отвечать перед отечеством. Неизвестно, что было бы в ином случае. России в одиночку не выстоять, а союз с Альбионом или нейтралитет мог аукнуться гораздо худшими последствиями. Если бы на нас напала всей своей мощью Империя, наши нынешние проблемы показались бы нам смешными...

- Может и так, - послушно согласился я. - Давайте договоримся, Матвей Филиппович: вы замолвите за меня словечко врачам, пусть меня сегодня, крайний срок завтра выписывают. А я свяжусь с Ситниковым и съезжу к нему в спецотдел, там ознакомлюсь с внешнеполитической обстановкой получше. Не возить же секретные документы и карты по госпиталям. Тогда еще раз обсудим международную ситуацию и наши планы, не будем пороть горячку. А что у нас с внутренними делами? Все спокойно?

Ребров при словах «все спокойно» аж поморщился.

- Внешне да, - раздраженно фыркнул он. - А на деле... бардак, Содом и Гоморра! Большевистская и эсеровская пропаганда продолжается, народ шепчется, рабочие недовольны. Экономике лихорадит, денег на перестройку промышленности не хватает. Но хуже всего дело обстоит с землей. Крестьянство недовольно ТОЗами. И ладно оно было бы просто недовольно. Но оно отказывается продавать государству хлеб по твердым закупочным ценам!

- А повысить их вы не можете? Или ввести дополнительный продналог? - тут же спросил я.

- Не можем! Откуда деньги, у нас и так рекордный дефицит бюджета! Начнем печатать - получим инфляцию, а без твердого рубля мы совсем засыплемся... А насчет нового продналога... Проще сразу военные реквизиции излишков продовольствия вводить! Но кто мне категорически запрещал это делать, не ты ли?! - у Реброва аж задергался глаз, видимо эта тема и впрямь была для него болезненной.

- Я, - кивнул я головой. - Грабить русское село нельзя категорически! Не дам! Лучше начнем еще одну войну и ограбим кого-нибудь из соседей... шутка, - мрачно хмыкнул я. - Но как же поступления из Райха и репарации с Суомии и Северной федерации, торговля северной рудой и дакийской нефтью? Кроме того, у нас еще действует беспроцентный кредит от Империи на полмиллиарда марок! Я ради него Гибрайтар брала и кровь проливала! Какого хрена? Где он? Где, млять, наши деньги, Матвей Филиппович?

- Кредит у нас. А еще с прошлой недели у нас торговое эмбарго от Штатов, - развел руками Ребров. - Таня, пойми, мы затеяли слишком много реформ, плюс еще эта твоя дурацкая индустриализация! И все это требует денег. А у нас нет хлеба на продажу за границу. Причем в деревне он есть, от неурожая в последние годы Бог миловал, но крестьяне предпочитают обменять его на корм скотине и завести еще одну свинку или корову, а не сдавать по твердой цене государству. Даже спекулянтам зерном не очень весело... Мы думали, что деревня продаст хлеб и купит удобрения, технику, трактора! Специально из Империи производство завезли, два тракторных и один автомобильный завод строим. Не говоря уж про твои электростанции, которые тоже никому не нужны! Все это никому не надо, вот какая штука.

- Хреново, - склонил я голову. - Ладно, придется разбираться, как только оклемаюсь окончательно...

Дом Авдотьи Павловны встретил меня праздничной суетой, домашним уютом, цветами и ароматом свежеспеченных пирогов. Когда на следующий день после визита Реброва меня, наконец, привезли в особняк Никифоровых, я надеялся серой мышкой проскользнуть в свой флигель, бросить там вещи, засвидетельствовать свое почтение хозяйке, если она дома, и отправиться с инспекцией в училище. Но куда там! По всей видимости, Матвей Филиппович предупредил Авдотью Павловну заранее и меня встретили при полном параде, с почетным караулом из домашних и слуг. Празднично одетые повар с поварихой, обе горничные в кокошниках, истопник, конюх и дворник встали в строй у крыльца, а доверенный приказчик госпожи Никифоровой Фрол Нилыч, лично взял из рук купчихи и вручил мне букет алых роз, как того требовал здешний этикет, не допускающий дарения цветов друг другу лицами одного пола. А затем поднес каравай с хлебом-солью. От такой встречи я немного охренел и какое-то время стоял как дурак с букетом в руках, залившись краской от смущения и хлопая глазами, словно самая настоящая маленькая девочка, пока окружающие аплодировали не жалея ладоней. Настолько неловко мне давно не было. Они что, издеваются, блин! Или все всерьез? Или это Авдотья Павловна прознала про нашу с Пашкой «помолвку» и теперь празднует это событие? То-то Пашка принарядился гоголем в костюм-тройку и сияет как медный пятак, стоя на крыльце. А на животе у него золотая цепочка от карманных часов - прямо вылитый купчик. Давно он у меня, зараза, по полосе препятствий без орба не бегал, а теперь его гнобить даже как-то неудобно. Юля, кстати, тоже здесь, причем не в мундире, а в платье и на ее правой руке надет браслет с зеленым камушком. А еще ее галантно поддерживает под локоть Сергей Коротяев, одетый в строгий костюм с галстуком. Гм, я что-то про них не знаю?

Понятно, что после такой встречи отказаться от праздничного обеда было никак невозможно. А уж госпожа Никифорова попотчевала нас со всем купеческим гостеприимством. Поначалу, чтобы возбудить аппетит, подали закусочный буфет со всякими таргалетками, крошечными пирожками, нарезанной кулебякой, блинами, икрой, солеными груздями, паштетом из рябчиков и перепелок, сырами и домашними колбасами. Сопровождалось все это богатство

десятком графинчиков с разнообразной водкой и наливками, хотя выпить больше двух-трех рюмок считалось моветоном. Потому что не пьянства ради, а только аппетита для... А уж затем был и сам обед с вином, водкой и тремя переменами... нет, не первого, второго и третьего, а всей скатерти с блюдами. На столе присутствовал и классический запечённый поросенок с яблоком в рыле, и стерлядка с раками, и котлеты по-московски, и уха из белорыбицы, и расстегаи, не говоря уж о всяких салатиках и сладком на десерт.

К моему счастью, о нашей с Пашкой «помолвке» за столом никто даже не заикнулся. Поднимались тосты за Его Императорское Величество, за счастливое возвращение нашего батальона, за мое выздоровление от ран, за победу русского оружия, за хозяйку дома, за боевые награды, за павших товарищей... Впрочем, я спиртного не пил, да и Авдотья Павловна если и пригубливала иногда, то лишь чуть-чуть. Но посидели душевно и в училище я в этот день уже не поехал. После обеда Юля заявила, что недавно оправившуюся от ранения Татьяну Алексеевну сильно утомлять не стоит, и гости вежливо откланялись, позвав Пашу прогуляться с собой. Тот сначала хотел остаться, но я с легким сердцем велел ему не бросать товарищей одних и мы остались с Авдотьей Павловной вдвоем. Купчиха велела подать самовар екатеринодарского чаю, до которого мы оба были большие охотники, и мы переместились из столовой в ее кабинет. Чего я, в общем-то, и добивался. Были у нас с госпожой Никифоровой общие дела, из тех, которые лучше обсуждать наедине, без чужих ушей. Как-никак все снабжение училища и моего батальона завязано на ее торговый дом. А еще она временами использовала мое покровительство и мои связи в правительстве, а я ее – в купеческой среде. Свои люди, что тут говорить... и пусть тот, кто ни разу в своей жизни не давал ни одной взятки и не решал вопросы через связи с нужными людьми, первым бросит в меня камень.

Обсудив дела насущные, я осторожно поинтересовался, как идут дела у знакомых госпоже Никифоровой хлеботорговцев. И Авдотья Павловна в целом подтвердила сведения, полученные от Реброва. Хлеб в деревне был. Раздача крестьянам большей части помещичьей земли через ТОЗы, привела к скорому банкротству той части дворян, которые не хотели ничего делать, кроме как проедать ренту со своих поместий. Однако, те из них, кто был познергичнее и поумнее, спелись с председателями ТОЗов и сельской верхушкой, образовав все более крепнувший класс деревенских кулаков и потихоньку забирая власть в товариществах обработки земли себе. На что я и рассчитывал – проще иметь дело с одним крупным собственником, чем с множеством мелких и бедных хозяйств в общине. Кто-то из деревенской бедноты не захочет с этим мириться? Так пусть идет в рабочие, стройки индустриализации ждут свою рабочую силу, заплатим честно. Девятичасовой рабочий день уже внедрен повсеместно и социальные гарантии имеются. А вот чего я не ожидал, так это того, что порядки в деревне кулачество начнет устанавливать совершенно уродливые, даже бандитские. И, кроме того, окажется страшным консерватором, которому ничего не надо – ни тракторов с комбайнами, ни «лампочки Реброва», ни передовых методов земледелия. Как бороться с зарвавшимися кулаками мне было понятно: раскулачивания и комбедов не будет. Все будет по закону и этим займется крестьянская уездная инспекция, а так же специальный отдел полиции. Но что делать с деревенским консерватизмом?

- Авдотья Павловна, а что если мы заведем где-нибудь под Воронежем парочку образцовых сельских хозяйств? – задумчиво сказал я. – Назовем одно из них, скажем, Илоновское, а второе Маскотино. Привлечём акционеров, и займемся там самыми передовыми методами хозяйствования. Чтобы поле пахали только трактора, хлеб убирали исключительно комбайны, везде, даже в курятниках, было электричество и все делалось строго по науке. Коровам для надоев поставим слушать Моцарта, вот! И прочее в таком духе... детали потом обдумаем.

Главное – чтобы смотрелось ново, свежо, необычно и поражало воображение. Журналистов найдем, чтобы все расписали в лучшем свете... Но главное – все это никак не должно быть связано с государством. Нам нужен русский сельский гений – агроном и бизнесмен, талантливый самоучка... вот. А государство должно ему ставить препоны всяческие... которые он будет героически преодолевать, а мы обо всем этом напишем в газетах! И в итоге он соберет впятеро больше хлеба с десятины, чем любой украинский помещик! А потом продаст зерно и станет миллионером... а еще...

- Таня, извини, ты сейчас в себе? – встревоженно спросила купчиха, всплеснув руками. - Если ты устала, давай закончим, если шутишь, то так и скажи, - по выражению лица госпожи Никифоровой я понял, что она с трудом сдерживается, чтобы не сказать: «что за бред ты несешь, девочка»?

- Какие уж тут шуточки. Я серьезна как никогда.

- Выглядит как сказка, - улыбнулась Авдотья Павловна. - Никто в это дело не вложится.

- А если вы попросите нужных людей? А я всемерно поспособствую?

Купчиха надолго задумалась, а потом посмотрела мне прямо в глаза.

- Ты уверена?

- Должно получиться, - ответил я. - Но сначала нужен прорыв. На селе должны увидеть наглядный пример правильного хозяйствования, поверить в него, и захотеть заработать на прогрессе. Пропаганда ничего не даст, государственное внедрение новшеств тоже столкнется с сопротивлением. Если мы просто раздадим трактора ТОЗам, то их скоро сломают варварской эксплуатацией и бросят гнить. Бесплатное и чужое добро никто не ценит. Но сочетание красивой сказки с человеческой жадностью может сработать и кулаки сами понесут нам свои кровные. А заодно купят рекомендованные нашим сельским гением машины, хотя бы и в кредит. И уж тогда постараются извлечь из них прибыль. В итоге мы будем с деньгами, промышленность с заказами, а Россия – с хлебом.

- Я подумаю над этим, - помолчав, кивнула госпожа Никифорова. - Подумаю... и, может быть, помогу тебе. Но только если это будет наше с тобой семейное дело. Ты понимаешь, о чем я, Татьяна Алексеевна?

- Понимаю, - грустно кивнул я, уставясь в землю.

От обильного обеда и серьезного разговора я устал настолько, что пропустил ужин, отправившись спать пораньше. Завтра предстояла куча дел, а слабость после ранения еще давала о себе знать, да и детское тельце не двужильное. Так что я уснул без задних ног и спал так крепко, что первый и даже второй отдаленный взрыв меня не разбудили. «Бомбят где-то на передовой», - пробежала сонная мысль, и я снова погрузился в сон. И лишь когда грохнуло в третий раз, да так, что затряслись стены флигеля, я сел на кровати и схватился за орб, рывком приходя в себя.

«Трындец! Что случилось? Опять восстание? Заговор»? Нет, вроде стрельбы не слышно...», - заметались в голове заполошные мысли.

Прямо в ночной рубашке я выскочил во двор, вздрогнув от холода. И увидел, как ночное небо

осветили вспышки двух сильнейших разрывов в районе Московского вокзала. После чего все в моей голове встало на свои места, вместе с прорезавшим ночь басовитым паровозным гудком. Это авианалет, вот что это такое! Который мы полностью прошляпили. Хотя нет, кажется, со стороны Кронштадта заметались по небу лучи прожекторов и неуверенно твякнула корабельная зенитка. Моряки пришли в себя первыми, но толку с них...

- Татьяна Алексеевна, какие будут приказания? - начальник охраны особняка нарисовался рядом, придерживая рукой саблю. Его бойцы уже занимали позиции во дворе по плану «крепость», они еще ничего не поняли. Питер здесь еще никогда не бомбили, как и другие русские города.

Злость и адреналин ударили мне в голову одновременно. Думаете, вы будете утюжить сверху беззащитный город, господа бритты?! Или кто это там резвиться наверху? Сейчас узнаем...

- Это авианалет! Срочно звоните в училище, поручик, и передайте мой приказ - всем магам на перехват! И не мешайте мне! - рявкнул я.

Заскочив в дом, я быстро отрыл шкаф с одеждой и сорвал с вешалки висевший в особом отделении запасной летный комбинезон. Отодвинул деревянную заднюю стенку, обнажив сейф и, совместив цифры кода на маховике, крутанул открывающее дверцу колесо. Ага, левитирующий ранец, наган, магвинтовка и обоймы с патронами на месте. Поднимать батальон самому некогда - потеряю время и бомбардировщики, отбомбившись, уйдут. На длинной дистанции мне их не догнать. Ну что же, пора вверх, в бой! Ждите, суки, злую Танечку...

<http://tl.rulate.ru/book/56995/1461078>